

Свет души

И. Островский

Он умер в сентябре 1993 года. А за несколько месяцев до этого рокового дня я встречался с ним в Израиле, договаривался, что Всемирный клуб одесситов пригласит его в дни 200-летия Одессы, которую он так любил, с выставкой... Если только позволит здоровье... И мы оба надеялись, что позволит, что чудеса современной медицины... Но Осик — так все мы его звали — ушел из жизни... И тогда эту выставку считали своей обязанностью собрать, открыть мы, одесситы.

У этого художника было как бы два творческих рождения. Выпускник художественного училища, ученик П. Коновского, Л. Токаревой-Александрович, Д. Фруминой, он честно и талантливо продолжал заветы южнорусской школы, своих учителей. Но — так случилось не с одним мастером — в какой-то день ему стали тесны рамки одесской традиции.

Его звали к себе тени забытых предков, образы людей Библии.

Вначале эти холсты стояли, пугливо повернутые к стене, в его мастерской. Потом он начал показывать их друзьям. И наконец наступил день, когда всесоюзный еврейский журнал "Советише Геймланд" предложил ему показать все эти картины в Москве на выставке.

И открылся новый художник. Поэт. Мечтатель. Философ. Мастер, научившийся мудро улыбаться. И при этом не стеснявшийся быть сентиментальным, не боявшийся, что его герои покажутся кому-то некрасивыми, чудаковатыми.

Есть внешняя и внутренняя красота, как есть внутренний свет — свет души. Об этом знал, это утверждал своими холстами и акварелями Иосиф Меерович Островский, мастер, которому в 2005 году исполнилось бы 70 лет.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"Денно, ночью, вечно..."

Однажды летом, где-то в середине 1980-х гг., когда в моей одесской квартире собрались близкие друзья по случаю очередного дня рождения автора этих строк, Иосиф Островский в непринужденном тосте сказал несколько добрых слов о "новорожденном" и шутливо добавил:

— Как пелось в лучшем довоенном советском фильме "Свинарка и пастух", "друга я никогда не забуду, если с ним повстречался в Москве".

В самом деле, мы впервые повстречались в Москве. Было это, по моему, осенью 1975 года. Прилетел я в столицу и остановился у хороших своих друзей Кодзасовых. В их милом доме в ту пору почти всегда кто-то гостил, и чаще всего — одесситы. Я прибыл вечером, и меня сразу познакомили с одесским художником Осиком Островским, который пробыл у них недельку и улетал на следующий день. В "гостевой" комнате была всего одна кровать, и мне на эту ночь поставили раскладушку. Однако она и не понадобилась. Всю ночь мы просидели, проговорили с Осиком, почувствовав взаимное расположение и интерес друг к другу. Тогда же узнал я кое-что об истории его жизни.

Родился он в маленьком городке Шепетовка, который с таким же успехом можно было бы назвать и местечком. Раньше каждый советский школьник связывал название этого населенного пункта с именем другого Островского, там же родившегося и выросшего, правда, тремя десятилетиями раньше моего друга. Речь идет, понятно, о писателе Николае Островском, авторе хрестоматийной в советское время книги "Как закалялась сталь". Мы еще шутили по этому поводу, что, дескать, не каждый Островский из Шепетовки — еврей, но зато и не каждому довелось стать прототипом Павки Корчагина.

В Одессе закончил Иосиф художественное училище, в этом городе жил и творил большую часть своей жизни.

До той московской встречи я лишь однажды на представительной одесской выставке видел две-три его работы, заинтересовавшие меня колоритом, не более того. Вернувшись из Москвы, впервые побывал в мастерской И. Островского и с удовольствием погрузился в мир его живописи. Особенно поразили меня тогда пейзажи, проникнутые особым настроением. Кажется тогда, когда я смог увидеть во множестве и оценить эти работы, вспомнились стихи Бориса Слуцкого: